

Просветители из Нанси

Известия. - 1998. - 29 апреля - с. 8.

В Большом театре завершились гастроли Государственного балета Нанси и Лоррен

Ольга ГЕРДТ, критик

За две недели балет Нанси показал и классику, и неоклассику, и модерн. От романтической «Сильфиды» Филиппо Тальони 1832 года рождения до современного балета Ричарда Уэрлока «Штетл» — премьеры этого сезона. Управляющий театром господин Лакотт, известный во всем мире как реставратор старинных балетов, продемонстрировал тип театра-музея, театра-хранилища, весьма распространенный в Европе.

Июминка гастрольной программы — конечно же, «Сильфида». Стилизация забытого балета, с которого собственно и началась эпоха балетного романтизма. Поскольку первоисточник утерян безвозвратно, Лакотт мог убедить современников не столько достоверностью документа, сколько талантливой стилизацией. В балете Тальони не могло быть ни разрабатанной пальцевой техники, ни виртуозных вариаций Джеймса, ни выразительных женских солов. Да и на пунтах в те времена танцевала только легендарная Мария, дочь Филиппо Тальони. Но никого не смущает, что Пьер Лакотт пользуется более поздними техническими средствами, поскольку ему удалось передать и сохранить главное — стиль и дух шедевра: гениальную простоту танца, уже оторвавшегося от земли и все еще к ней привязанного, тесную связь балетной истории Джеймса и Сильфиды с народным шотландским преданием о любви земного юноши и дочери воздуха.

В 1977 году «Сильфиду» уже видели в Москве в исполнении Гранд Опера с Гилем Тесмар и Ноэллию Понту в главных ролях. На сей раз Лакотт привез шедевр в репертуаре собственной труппы, довольно слаженной и

Сильфида — Элизабет Платель.

дисциплинированной. Спектакль только выиграл, когда главные партии танцевали звезды Гранд Опера Мануэль Легри и Элизабет Платель. Темпераментный Джеймс Мануэля Легри мог бы оспорить права на лидерство в этом «женском» балете у любой великой балерины. Красавица Платель, балерина отнюдь не «сильфидного» типа, партнеру не уступала, продемонстрировав настоящий шик французской школы и премьерский апломб. Дуэт Андрея Федотова (бывший солист Большого театра, ныне солист балета Нанси) и Марин Кастель больше соответствовал учебнику, но в нем не было свободы и силы ансамбля Легри и Платель. Марин Кастель, балерина лиричная и трогательная, не очень выигрышно смотрелась на фоне старательного, но неяркого партнера.

Впрочем, артистке удалось взять реванш в другой программе. На вечере одноактных балетов она исполнила Кокетку в «Сомнамбуле» Дж. Баланчина, а потом и «Адажиетто» Оскара Арайса, заставившее зал несколько минут заворожено следить за танцовщицей.

Вечер одноактных балетов продемонстрировал уже не реставраторские, а просветительские наклонности господина Лакотта. Весь вечер он строил мост от классики до модерна, не забыв вписать в программу и собственные сочинения, о достоинствах коих умолчим из уважения к совсем иным заслугам Лакотта перед историей балета. Не вызвал вдохновения и «Праздничный вечер» Лео Статса — сочинение 1925 года, в котором воспоминания о «Пахите» Петипа словно перебиваются предчувствием еще непоставленного «Хрустального дворца» Баланчина. Классика уже деградирует, а неоклассика еще только намечается в этом балете.

«Блудный сын» Дж. Баланчина также можно было бы оставить за рамками гастрольной программы — для просвещения неопитов в Нанси и окрестностях. Подмостки Большого видали и лучшее исполнение. Правда, в «Блудном сыне», как и в «Сомнамбуле», куда энергичнее проявил себя экстремьер Большого Андрей Федотов. А вся труппа куда выигрышнее смотрелась в неожиданно завершавшем вечер балете хореографа из Англии Ричарда Уэрлока «Штетл» (музыкальная основа — мейнстрим еврейских мелодий).

Эта последняя вещь напомнила о том, что идея творчества куда плодотворнее демонстрирует потенциал артистов, чем благородная идея просветительства. Творчество возможно. И через сто пятьдесят лет после «Сильфиды».